

УДК: 81'23

Ковалевская Ирина Ивановна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой межкультурной
экономической коммуникации
Белорусский государственный
экономический университет
г. Минск, Беларусь

Iryna Kavaleuskaya

PhD in Philology, Associate Professor
Head of the Department of Intercultural
Economic Communication
Belarusian State Economic University
Minsk, Belarus
kovalevskaya@bseu.b

К ПОСТРОЕНИЮ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ПРАВОВОГО ДИСКУРСА

ON MODELING THE INTERPRETATION OF LEGAL DISCOURSE

В статье предлагается комплексный подход к интерпретации правового дискурса посредством сочетания классических и неоклассических методов, позволяющих описать его объектные, субъектные и инструментальные характеристики. На примере отдельных пунктов русскоязычного и англоязычного брачных договоров демонстрируется возможность формализации их предметного содержания с использованием методики денотатного графа, позволяющего отразить системные связи между правовыми концептами.

Раскрывается и обосновывается идея интегрирования когнитивного и нормативного аспектов анализа правового дискурса как диалога, в качестве основных инструментов которого выделяются и описываются стратегии фактуализации и коррекции модели мира адресата.

Ключевые слова: интерпретация; правовой дискурс; брачный договор; денотатный граф; концепт; диалог; коммуникативная стратегия.

The article suggests an integrated approach to interpretation of legal discourse by combining the classical and neoclassical methods to identify its objective, subjective and instrumental characteristics. Some clauses of the marriage contracts in Russian and English are provided to describe the procedure of the formalization of their contents using the method of denotation graph that illustrates the systemic relations among the legal concepts.

The article reveals and justifies the idea of integration of cognitive and normative aspects of legal discourse analysis as that of a dialogue the main instruments of which are highlighted and described in terms of such strategies as factualization and the addressee's world model improvement.

Key words: interpretation; legal discourse; marriage contract; denotation graph; concept; dialogue; communicative strategy.

Правовой дискурс занимает в коммуникативном пространстве институционального общения в настоящее время важное место ввиду его активного использования в контексте разных дискурсивных практик. Тем не менее он представляет собой еще недостаточно изученный объект познания в теоретическом и практическом плане.

Интерпретация дискурса, понятие которого находит широкое применение не только в гуманитарных науках, но и в политической, массовой и деловой сферах, традиционно рассматривается как предшествующий процесс пониманию, являющемуся необходимым условием научного познания.

Ответы на вопросы, связанные с интерпретацией дискурса и обусловленные временем и социально-культурным контекстом, предлагают представители герменевтического направления (Х. Г. Гадамер, М. Хайдеггер, Л. Витгенштейн, П. Рикер, Ж. Деррида). Их главной задачей стала разработка стратегии «интерпретативного разума». В процессе решения данной задачи был раскрыт и обоснован диалогический характер глобальной интерпретативной стратегии, проявляющийся в отказе в отличие от законодательного разума от претензии на монолог и от возможности «высшего», «лучшего» понимания, то есть стремления корректировать здравый смысл и те варианты понимания, которые возникают в повседневной жизни [1, с. 16].

Интерпретативная традиция лежит в основе современной этнометодологии, феноменологии, интерпретативной социологии и других научных школ, объединяющим началом которых является отказ от причинных моделей и методов анализа, характерных для классического типа научного познания, и применение методологии, направленной на включение в процесс познания индивидуальных особенностей личности, т.е. субъективности.

Широкое применение интерпретативного подхода в социально-гуманитарных науках является результатом осознания зависимости человеческого познания от специфики языка, которым владеет познающий субъект. В период становления данного подхода во второй половине XX в. пересматривается видение объекта исследования, многие проблемы переводятся в сферу языка и решаются на основе анализа языковых средств и выражений. Главной предпосылкой «лингвистического поворота» считается введение Э. Бюиссансом в научный оборот в работе «Язык и дискурс» (1943 г.) понятия дискурса, под которым подразумевался «механизм перевода языка как знаковой системы в живую речь». Дискурс был включен в классическое противопоставление языка и речи в качестве третьего члена [2, с. 6].

Несколько позднее понятие дискурса было выведено за рамки грамматики предложения на уровень текста Э. Харрисом и использовалось после в лингвистике как синоним текста или речи [3].

В настоящее время применяются различные подходы к интерпретации дискурса – лингвистические, кротологические, семиотические, социокоммуникативные, постмодернистские и критический дискурс-анализ, которые фокусируются на том или ином аспекте и носят взаимодополняющий, а не альтернативный характер [2, с. 5–6].

Особое методологическое значение для решения проблемы интерпретации дискурса имеют подходы, которые в условиях перехода в последней трети XX в. от постиндустриального общества в общество информационное расширяют поле рефлексии над собственно речевой деятельностью и отражают суть «постнеклассического» типа научной рациональности. Данный тип научного познания «начинает пониматься в контексте социальных условий его бытия и его социальных последствий как особая часть жизни общества, определяемая на каждом этапе своего развития общим состоянием культуры данной исторической эпохи, ее ценностными ориентациями и мировоззренческими установками» [4, с. 9–10].

Наибольший интерес среди выделенных выше подходов к интерпретации дискурса заслуживает его анализ с позиций лингвистики. В подобных работах предусмотрено одновременное исследование коммуникативной адекватности речевых действий, «ментальных процессов участников коммуникации: этнических, психологических, социокультурных стереотипов и установок, а также стратегий понимания и порождения речи» [5, с. 27]. Это достигается сочетанием значительного количества методов: классических (фонологического, синтаксического, лексического и семантического; анализа речевых и коммуникативных актов; риторического; стилистического; структурного, т. е. анализа специфики разных жанровых структур) и неоклассических (конверсационного; семиотического; психологического – особенно когнитивного). Такое сочетание методов «дает возможность изучать не только внешние, но и внутренние структуры сознания, обращаться к таким сложным, социально-когнитивным практикам, как право, мораль, дискриминация ...», а также использовать более гибкие, чем количественные методы и гипотетико-дедуктивный метод, и релевантные задачам дискурс-анализа методы феноменологической дескрипции и индукции [6, с. 32].

Существующие в лингвистике подходы к анализу дискурса предлагается свести к изучению его *объектных, субъектных и инструментальных* характеристик [7, с. 73], что возможно посредством сочетания классических и неоклассических методов.

Анализ объектных характеристик правового дискурса сводится к его проблемно-тематическому изучению, то есть характеристике топика общения, которая с точки зрения его интерпретации является стартовым моментом в его объяснении.

На примере следующего фрагмента брачного договора рассмотрим его объектные характеристики:

*... **Имущество**, совместно нажитое в период брака, вне зависимости от того, на чьи финансовые средства оно было приобретено, **является общим (общей собственностью)**.*

***Имущество**, принадлежащее на правах собственности каждой из сторон до заключения брака, а также имущество, которое супруги получили в рамках договора дарения или наследования, **является индивидуальной собственностью**.*

*На момент заключения настоящего соглашения гражданину ХХХХ **принадлежит**:*

- квартира, площадь которой составляет ХХХХ квадратных метров, расположенная по адресу: ХХХХ.

- автомобиль ХХХХ, номер двигателя ХХХХ, номер кузова ХХХХ, государственный номер ХХХХ, зарегистрированный в ХХХХХХ.

- мебель, драгоценности, украшения, которые прилагаются к списку настоящего соглашения.

*Гражданке ХХХХ **принадлежит**:*

- квартира, площадь которой составляет ХХХХ квадратных метров, расположенная по адресу: ХХХХ.

- мебель, драгоценности, украшения, которые прилагаются к списку настоящего соглашения.

*- К совместно нажитому имуществу **относятся**: заработная плата, пенсии, пособия и иные денежные выплаты...*

Из приведенного выше текста брачного договора видно, что его топиком выступает *имущество*, считающееся центральным объектом гражданского правового регулирования. Из всех имеющихся в доктрине и гражданском законодательстве дефиниций имущества наиболее близкой к обыденной его трактовке представляется определение, согласно которому под «имуществом» понимаются «внешние блага ... составляющие, по отношению к личности человеческой, внешнюю ее принадлежность, внешнее ее дополнение» [8, с. 158]. Можно предположить, что заинтересованность в заключении брачного договора всё более возрастающего числа молодоженов, в том числе представителей русской лингвокультуры, обусловлена как раз смещением акцентов на подобного рода внешние

атрибуты. Это подтверждается результатами проведенного сопоставительного исследования содержания ассоциативных полей слова-стимула *брак* у носителей русского языка 1980–1990-х гг. с данными ассоциативного эксперимента, относящимися к более позднему периоду. Согласно этим данным, внутреннее содержание концепта «брак», определяемое такими важными понятиями, как семья, союз и любовь, «тем не менее, отодвинулось на второй план» [9, с. 252].

Посредством рассмотрения объектных характеристик дискурса достигается предварительное понимание коммуникативной ситуации в целом. Для более наглядного отражения предметного содержания дискурса предлагается построение его «денотатной структуры» как инварианта смыслового свертывания текста [10, с. 115].

В качестве опорных денотатов, раскрывающих предметное содержание, можно выделить: ‘имущество’, ‘квартира’, ‘автомобиль’, ‘мебель’, ‘драгоценности’, ‘украшения’, ‘заработная плата’, ‘пенсии’, ‘пособия’ и ‘иные денежные выплаты’.

Выделенные денотаты указывают на подтемы, соответствующие различным аспектам содержания и сменяющие одну на другую. Относящиеся к определенной подтеме денотаты могут выступать как субподтемы и образовывать следующий уровень связей. Соотношение подтем и субподтем становится ясным в ходе анализа предметных связей между их денотатами. С учетом специфики этих связей может быть представлен денотатный граф брачного договора (рис. 1).

Рис. 1. Денотатный граф русскоязычного брачного договора

С опорой на формализованное предметное содержание брачного договора возможно исследование его субъективных параметров. К ним относят участников коммуникативной ситуации, цель дискурса, его хронотоп, ценности, коммуникативные стратегии, жанры и дискурсивные формулы [7, с. 73].

Образы участников конкретной коммуникативной ситуации предстают многогранными и сложными. С одной стороны, инициаторами регламентации брачных договорных отношений всегда выступают сами супруги; с другой стороны, активное участие в оформлении брачного договора принимают их юристы и нотариус, чей вклад необходим для обретения документом юридической силы и который обладает правом и полномочиями вносить в документ изменения, поправки и дополнения.

Коммуникативная цель приведенного выше фрагмента брачного договора как разновидности правового дискурса подчинена общей жанровой интенции, заключающейся в уточнении законного режима имущества супругов для максимального приспособления этого режима к их потребностям.

Специфика отражения фактов и их организация в сознании субъектов договорного дискурса обусловлена его временными и пространственными характеристиками, то есть хронотопом, который устанавливается при обязательном учете субъективности, поскольку ее существование невозможно вне пространства и времени.

В дискурсивном пространстве допускается возможность обнаружения множества хронотопов и сложных, специфических для данного произведения или автора взаимоотношений между ними, «причем обычно один из них является объемлющим, или доминантным. Хронотопы могут включаться друг в друга, сосуществовать, переплетаться, сменяться, сопоставляться, противопоставляться или находиться в более сложных взаимоотношениях» [11]. Хронотопы могут выступать средствами репрезентации концептов, отражающих как специфический фрагмент языковой картины мира, так и культурно-этнические ценности социума в целом.

Ядерным концептом анализируемого брачного договора, исходя из денотатной структуры его предметного содержания, выступает концепт «имущество», репрезентирующий предмет договора.

Ввиду культурно-исторической обусловленности правовых норм формы проявления концепта «имущество» в брачном договоре в контексте разных лингвокультур могут не совпадать, что можно обнаружить на примере следующего фрагмента англоязычного брачного договора:

Each of the parties does hereby **convey, waive and release** unto the other the following:

(a) all rights which he or she may at any time have during the life or after the death of the other under the laws of the State of Maine or any other jurisdiction (including those jurisdictions not within the United States of America) by reason of the marriage between them with respect to any **property, real, personal or mixed**, of whatsoever kind or nature, now owned or hereafter acquired by the other, through gift, inheritance or by any other means...

Если в русскоязычном договоре дифференцируются *общее имущество* и *индивидуальное имущество*, то содержание концепта “property” в англоязычном брачном договоре конкретизируется в рамках определения таких его основных видов, как *real property* ‘недвижимая собственность’, *personal property* ‘движимая собственность’ и *mixed property* ‘имущество смешанной формы собственности’. Описание системных связей (сходства, различия и иерархии) между указанными концептами осуществляется путем анализа имущественных правоотношений в отечественном договорном праве и в английском имущественном праве (Property Law) как особой правовой отрасли. Совокупность этих отношений соответствует концептуальной модели правового дискурса. Выявление связей между ее элементами лежит в основе концептуализации правового дискурса, процедура которой является непременным условием его наиболее полной интерпретации [12, с. 12].

Исходя из предметного содержания англоязычного договора его денотатный граф можно представить следующим образом (рис. 2).

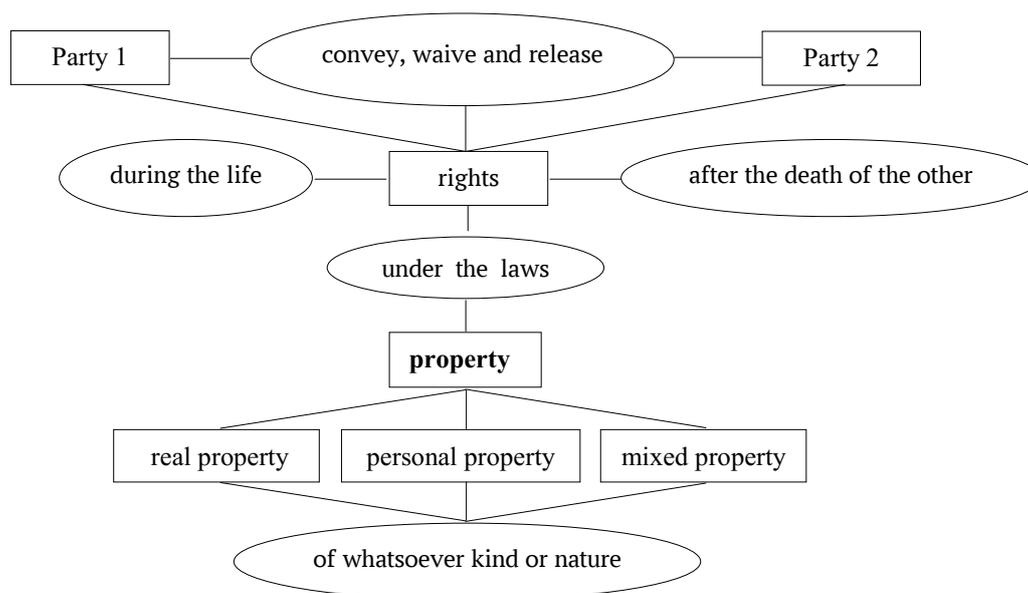

Рис. 2. Денотатный граф англоязычного договора

Различия понятийно-содержательных и параметральных характеристик ядерных концептуальных образований и системного множества других специализированных концептов, через которые в правовом дискурсе реализуются первые, обусловлены историко-культурными, социально-этическими, политико-экономическими, идеологическими и морально-нравственными факторами.

Немецкий философ Г. Гадамер отмечает неспособность современной теории герменевтики проводить последовательно различения когнитивного, нормативного и репродуктивного истолкования, на которых она основывается: во-первых, из-за возникновения трудностей при подведении языковых феноменов под отдельное из них; во-вторых, из-за того, что проникновение в смысл правового дискурса и применение полученного знания к конкретному случаю включает не два отдельных акта, но единый процесс [13, с. 188].

Поддерживая позицию ученого, считаем, что не достаточно подводить истолкование правового дискурса только под когнитивную или нормативную функцию, и допускаем возможность более полного и комплексного анализа правового дискурса посредством выявления его ценностей и норм наряду с описанием в соотнесении с ними его инструментальных параметров. Таковыми выступают коммуникативные действия субъектов общения. Совокупности этих действий описываются в терминах коммуникативных стратегий, которые варьируются исходя из их ведущих интенций.

Ценностно-нормативная специфика дискурса фиксируется и определяется концептами, описание и уточнение структурно-содержательных параметров которых предполагает интерпретацию научных фактов и сведений в различных областях гуманитарного знания. Допускается возможность интегрирования имеющих к ним отношение известных фактов и теорий в рамках общей лингвистической концепции, сфокусированной на изучении языкового сознания, текстов, культур в аспекте принципа диалогизма, пришедшего на смену принципам антропоцентризма, неофункционализма и экспланаторности.

Принцип диалогизма, утверждаемый в качестве общей методологической установки в работах М. Бубера, Ю. М. Лотмана, М. М. Бахтина и их последователей, сводится не к объединению, смешению или слиянию разных аспектов диалогичности дискурса, обусловленной его социальной детерминированностью, а в установлении отношений между ними, т. е. взаимодействия.

Диалогическая природа дискурса раскрывается посредством изучения «метамодусных категорий – авторизации и адресации», которые соотно-

сятся с позицией отвечающего и с метатекстовым (металингвистическим, по М. М. Бахтину) аспектом высказывания (текста) и реализуются с помощью языковых средств, выражающих субъективное отношение носителя языка к предмету речи [14, с. 17]. Их выбор имеет прямое отношение к наличию адресата, поскольку осуществляется с учетом определенных социально-психологических и культурно значимых факторов и обусловлен диалогичностью дискурса, которая служит объединяющим началом для когнитивного, нормативного, а также репродуктивного аспектов его истолкования. Выделенные аспекты интегрируются в рамках общей интерпретационной модели, предполагающей анализ стратегического устройства дискурса и его структурируемости согласно авторской диалогической установке.

Среди коммуникативных стратегий правового дискурса, характеризующих его в инструментальном плане, ведущими в брачном договоре представляются фактуализация и коррекция модели мира адресата.

Фактуализации подлежат все юридические акты, составленные в письменном виде в соответствии с законом и содержащие общенормативные или индивидуальные предписания, согласно которым определяются способы ее реализации. В частности, в русскоязычном договоре имущественные отношения между супругами устанавливаются посредством действий, выраженных недесемантизированными перформативами *является, принадлежит, относятся*.

Путем употребления эксплицитно выраженных перформативов *convey* 'доводят до сведения', *waive* 'отказываются', *release* 'освобождают' в англоязычном фрагменте договора осуществляется смещение акцента с объекта договора на его субъектов.

Коррекция модели мира адресата договора достигается посредством обоснования определенных юридических актов. Так, в русскоязычном брачном договоре для обоснования принадлежности конкретных объектов имущества к общему или индивидуальному приводятся аргументы, отражающие культурно-этнические ценности социума в целом (*совместно нажитое в период брака; принадлежащее на правах собственности каждой из сторон до заключения брака; которое супруги получили в рамках договора дарения или наследования*).

В англоязычном фрагменте договора аргументация осуществляется посредством обоснования имущественных прав, которые сохраняются за супругами как при жизни, так и после смерти одного из них (*all rights which he or she may at any time have during the life or after the death of the other*). Предложенные аргументы представляются достаточно вескими в силу их

обусловленности культурно-этническими ценностями, поскольку право признается только «тогда эффективным и реальным, когда оно несет в себе признанные ценности, то есть ценности, которые действуют не на уровне внешнего навязывания, а становятся внутренним нравственным императивом каждого отдельного человека» [15, с. 31].

Культурно-этнические ценности социума служат основанием для формирования общекультурных и институциональных (в частности, правовых) норм, под которыми подразумеваются предписания, требования, пожелания и ожидания соответствующего (т. е. одобряемого обществом) поведения. Правовые нормы представляют собой элементы определенной системы права и считаются результатом общей воли общественного союза и поэтому соответствующими общим убеждениям и настроениям.

Исходя из представления о праве как ценностно-нормативной системе, допускаем возможность комплексного анализа стратегического устройства правового дискурса и его структуры посредством соотнесения характерного для его разновидностей коммуникативного инструментария (стратегий, тактик, приемов и т. п.) с ценностями и нормами соответствующих областей права. Поскольку связующим звеном между ценностями и нормами выступают концепты, одновременно относящиеся и к тем, и к другим, выявление и определение связей между правовыми концептами как элементами единой системы способствует более полному описанию ценностно-нормативного содержания соответствующих областей права и, следовательно, более качественной интерпретации правового дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гильмутдинова, Н. А.* Интерпретация и понимание в социально-гуманитарном познании / Н. А. Гильмутдинова // Вестн. УлГТУ. – 2005. – № 3. – С. 15–18.
2. *Русакова, О. Ф.* Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса / О. Ф. Русакова // Антиномии: Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2007. – Вып. 7. – С. 5–34.
3. *Harris, Z. S.* Discourse Analysis / Z. S. Harris // Language. – 1952. – Vol. 28. – № 1. – P. 1–30.
4. *Поляков, А. В.* Общая теория права : учеб. [Электронный ресурс] / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. – СПбГУ, 2017. – Режим доступа : <https://iknigi.net/avtor-andrey-polyakov/145936-obschaya-teoriya-prava-uchebnik-andrey-polyakov/read/page-1.html>. – Дата доступа : 10.09.2023.

5. *Темнова, Е. В.* Современные подходы к изучению дискурса / Е. В. Темнова // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26. – С. 24–32.
6. *Пантыкина, М. И.* Дискурс-анализ в исследовании индивидуального правосознания / М. И. Пантыкина // Правоведение. – 2017. – № 1. – С. 28–51.
7. *Карасик, В. И.* Интерпретация дискурса: топик, формат, модус / В. И. Карасик // Изв. ВГПУ. Сер.: Филологические науки. – 2015. – № 1(96). – С. 73–79.
8. Предпринимательское право России : учеб. / В. С. Белых [и др.] ; отв. ред. В. С. Белых. – М. : Проспект, 2009. – 656 с.
9. *Афанасик, Д. А.* Концепт «брак» в сознании носителей современной русской лингвокультуры: динамический аспект / Д. А. Афанасик // Вестн. МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2018. – Вып. 4 (793). – С. 242–252.
10. *Новиков, А. И.* Семантика текста и его формализация / А. И. Новиков. – М. : Наука, 1983. – 211 с.
11. *Бахтин, М. М.* Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М. : Худож. лит., 1975. – С. 234–407.
12. *Ковалевская, И. И.* Концептуализация дискурса договорного права и ее применение в переводе / И. И. Ковалевская // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2023. – № 1 (122). – С. 7–14.
13. *Гадамер, Х.-Г.* Истина и метод: Основы филос. герменевтики : пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер ; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
14. *Шпильная, Н. Н.* Принцип диалогизма и его объяснительный потенциал при описании лексической системы русского языка / Н. Н. Шпильная // Диалогическая лингвистика : коллектив. моногр. – Барнаул : АлтГПУ, 2019. – С. 7–21.
15. *Горобец, К. В.* Аксиосфера права: философский и юридический дискурс : моногр. / К. В. Горобец. – Одесса : Фенікс, 2013. – 218 с.

Поступила в редакцию 17.11.2023